

УДК 82.091

Костенко Диана Евгеньевна

ОНТОЛОГИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ РУССКОЙ ЭМИГРАЦИИ: ПОПЫТКА ОСМЫСЛЕНИЯ

Статья представляет собой попытку научного, литературно-критического и культурного осмысления судеб представителей русской интеллигенции, эмигрировавших после февральской революции 1917 года. Рассматриваются бытовые и психологические проблемы литераторов русского зарубежья; их идеологические и культурные ценности, творческий кризис и возможность реализации в творчестве.

Ключевые слова: проблемы эмигрантов первой волны; литература русского зарубежья; экзистенциальный кризис; творчество писателей-эмигрантов.

Kostenko Diana E.

ONTOLOGICAL SITUATION OF RUSSIAN EMIGRATION: AN ATTEMPT TO COMPREHEND

The article represents attempt of scientific, literary-critical and cultural judgment of destinies of representatives of the Russian intelligentsia which has emigrated after February revolution of 1917. Household and psychological problems of writers of the Russian abroad are considered; their ideological and cultural values, creative crisis and possibility of realization in creativity.

Key words: problems of emigrants of the first wave; literature of the Russian abroad; existential crisis; creativity of writers-emigrants.

Если на рубеже веков российская эмиграция имела преимущественно экономический или религиозный характер, то в годы 1-й Мировой войны, и особенно после Октября, в ней стали преобладать политические тенденции. Однако отдельным пунктом следует выделить эмиграцию культурную. Именно такая эмиграция ознаменовала собой начало трагедии русской культуры XX века.

Миллионы людей буквально отсекли от Родины, вынудив их кардинально изменить свою жизнь – быт, профессию, привычный уклад. Сегодня мы можем уверенно утверждать, что такая политика оказалась в итоге неразумной. Однако в то время законные основания толкали людей оставить свое имущество, друзей и даже родных и искать другой жизни за пределами страны. В действительности позиция советского правительства по отношению к эмигрантам ужесточалась год от года. 28 октября 1921 г. СНК был издан декрет «О лишении прав гражданства некоторых категорий лиц, находящихся за границей», согласно которому гражданства лишались все лица, проживавшие за границей свыше пяти лет и не получившие паспорт СССР до 1921 г.; лица, выехавшие из России после Октябрьской революции 1917 г. без разрешения и пр. [5, с. 196]. Таким образом, официально «невозвращенцами» оказывались более половины эмигрировавших граждан. Более того, кем были эти люди? Элита, цвет русской нации – аристократия, офицерство, научная и творческая интеллигенция, среди которой множество поэтов, прозаиков, критиков, журналистов. Судьба наиболее образованных, культурных и грамотных людей явила собой в определенной мере квинт-эссенцию всех катаклизмов, которыми был ознаменован XX век, в частности, вторая его половина – военных, экономических, революционных, культурных.

Известно, что в послеперестроечный период интерес к судьбе и творчеству писателей-эмигрантов значительно возрос. Отчасти из-за отсутствия до этого возможности доступа ко многим материалам, долгое время остававшимся за рубежом, отчасти из-за кардинальной переоценки революционных и послереволюционных событий в России, а также новой идеологической ситуации, возникшей после сброса тяжких оков тоталитарного государства.

Настоящий интерес к проблеме научного, литературно-критического и, в целом, культурного осмысления судьбы и творчества эмигрантов первой волны проявили не только литературоведы и исследователи из России, но и иностранные ученые. Отражение этого интереса мы видим во многих исследованиях жизни ярчайших представителей русского зарубежья.

Следует понимать, что понятие «русское зарубежье» гораздо шире, чем «русская эмиграция», и представляет собой особое культурно-историческое явление, ведь и понятие национальной общности гораздо масштабнее, глубже – оно объединяет людей не только на территории одной страны, но и за ее пределами. Их принадлежность к одной культуре находит отражение, прежде всего, в одном языке, общем образе мыслей, общем социальном и культурном опыте. Поэтому, несомненно,

культуру и быт русского зарубежья стоит рассматривать как часть русской культуры, отмечая национальные особенности, политические ориентации, творческие пристрастия и культурное наследие.

Попытка осмыслить онтологическую ситуацию, в которой оказались оторванными от дома, от привычной жизни люди, представляется крайне интересной и значительной для лучшего понимания не только социального, но и литературного процесса начала XX века, вследствие изменений, происходивших с русскими гражданами, оказавшимися в состоянии не только социально-политического, но и экзистенциального кризиса. Эта проблема видится одновременно и интересной, и сложной для изучения с различных точек зрения в разных областях гуманитарных наук, а также для понимания и для анализа богатого литературного наследия, которое до сих пор продолжает возвращаться в Россию. Неизданные ранее произведения писателей «русского зарубежья», их дневники, воспоминания, библиотеки представляют собой отдельное звено в истории русской литературы.

Как известно, в качестве центральной объединяющей страны русская эмиграция избрала Францию, а Париж – своей столицей. Для подобного решения главными стали политические, экономические и моральные причины. Однако немало людей искусства также остановили свой выбор на Берлине, Варшаве и других европейских городах. Кроме Европейских стран, новой родиной изгнанников также становились Китай, Австралия, Бразилия.

Несмотря на то, что большая часть литературы осталась в метрополии, значительная и, несомненно, значимая ее часть все же оказалась за границей. Среди прозаиков старшего поколения наиболее известны Б. Зайцев, И. Бунин, Г. Адамович, А. Куприн, Д. Мережковский, А. Ремизов, М. Осоргин, Н. Тэффи, И. Шмелев, З. Гиппиус, а также М. Арцыбашев, А. Амфитеатров, А. Аверченко, Г. Гребенщиков, М. Леви и многие другие.

Многие беженцы сознательно не принимали другого гражданства, надеясь на возвращение в Россию. Но советское правительство не стремилось к возвращению наиболее грамотной части российских граждан на родину. О позиции официальных лиц по этому вопросу свидетельствует выдержка из доклада главы миссии советского Красного Креста Корецкого, направленного в Москву 15 июля 1923 года. Там, в частности, говорилось: «Вообще же, рассматривая беженство в его массе, необходимо в заключение сказать, что только те лица, которые вышли из среды трудового крестьянства и казачества, могут рассматриваться как лица, полезные для советской власти. В отношении же лиц интеллигентских профессий и лиц командного состава подлежит вынести решение безусловной бесполезности этой категории людей и даже в известном смысле вредной» [5, с. 67].

Среди общих проблем эмиграции первой волны можно выделить следующие: неясность будущего, неуверенность в своей защищенности и безопасности, волнение о будущем своих семей и благоустроенности. Эмигранты, будучи образованными и востребованными в своей профессии на родине, становились шоферами, официантами, мойщиками посуды, музыкантами в ресторанах.

Как известно, самоопределение русских всегда шло не через государственность, а через землю. «Мы – капля России...», – писал Борис Константинович Зайцев [5, с. 218]. Это – отражение особой связи русского человека со своей национальной историей, культурой. Из-за этого эмиграция для русских с точки зрения психологии была сравнима с настоящей бедой – утратой любимого человека, потерей здоровья. Но, с другой стороны, как раз эта приверженность к корням, оставленным на родине, дала возможность эмигрантам развить все формы духовной деятельности – художественную, религиозно-философскую, научную. Ощущение себя все еще органичной частью национальной культуры, развивающейся отдельно, вне России, позволило нашим соотечественникам не потерять самое главное – веру и надежду.

Наиболее остро в эмиграции вставала проблема столкновения двух различных культур. Адаптация эмигрантов всегда происходила сложно и зачастую болезненно. Прежде всего из-за языковых проблем человек воспринимался значительно ниже своего настоящего уровня развития и образования, и, как правило, требовалось несколько лет, чтобы преодолеть эти барьеры и почувствовать себя комфортно. Хотя, как показывает история, больше половины эмигрантов первой волны, мигрировавших не только во Францию, но и в Германию, Чехию, Италию и т. д., так и не вернулись на родину.

Для эмигрантов первой волны адаптация к новой жизни усложнялась отсутствием появившихся уже позднее национальных общин, налаженных средств связи и коммуникаций. Для французов эмиграция, в основном, воспринималась как культурная ассимиляция, к эмигрантам негласно применялось требование как можно скорее интегрироваться в новое общество, подчиняясь его государственным законам и личностным моральным устоям, которые, как правило, отличались от рос-

сийских. Русские эмигранты, в свою очередь, не стремились влиться во французское общество, максимально пытаясь сохранить прежний уклад жизни, привычки, общаясь исключительно внутри своей группы, не расширяя границы, так как лелеяли призрачную надежду на благополучное возвращение на родину, чем зачастую раздражали французов. З. Гиппиус пишет: «Одна и та же Россия по составу своему, как на родине, так и за рубежом... ..представители всех классов, сословий, положений и состояний, даже всех трех (или четырех) поколений – в русской эмиграции налицо» [4, с. 64].

Среди творческой интеллигенции, покинувшей Россию после 1917 года, к бытовым трудностям добавлялся неминуемый творческий кризис, обусловленный вышеупомянутым столкновением культур, необходимостью адаптироваться к новому окружению, сужением среды обитания, так называемым отрывом от родной земли. Для кого-то он стал стартом для открытия новых граней литературного таланта, для кого-то – закатом творчества из-за невозможности приятия новых условий жизни.

Ясным подтверждением этому явилось то, что часть известных литературных деятелей, вопреки своим планам, все-таки вернулись на родину в относительно короткие сроки по единственной причине – осознав, что настоящий художник не может творить, оторванным от родной земли. Среди них – А. Белый, А. Толстой, В. Шкловский, И. Эренбург и другие.

Оказавшись в положении беженцев, с неясным будущим, наши писатели и поэты стремятся сохранить главную, в своем понимании, цель литературы как искусства – воспитание духовно-нравственное, отражение лучшего, что было в исчезнувшей России, они хотят воскресить и преумножить христианские ценности. Став, по сути, изгнанниками, эмигранты первой волны осознавали себя ответственными, будто бы назначенными защитниками русских классических традиций. Своей задачей они видят собрать в памяти и сохранить для единомышленников и потомков идеи, ценности, уклад жизни, которые в это время целенаправленно искажались и искоренялись в покинутой, новой России. В этом эмигранты видели единственную возможность спасения того, что было им дорого – национального единства, благородства, культурного и исторического прогресса.

Возможность представить резкие изменения бытовых условий и, как следствие, ситуации психологической, дает нам анализ творчества эмигрантов первой волны. Кроме типичных для русской литературы тем, часто теперь возникает тема ностальгии, обычными стали произведения-воспоминания, продиктованные тоской по родине. Насколько сильнее звучит эта тема (по сравнению с любой, казалось бы, похожей ситуации любых других эмигрантов в истории мира), потому, что ее – привычной родины – уже нет! Как пишет М. Цветаева: «...Можно ли вернуться в дом, который скрыт?» [9, с. 174]. Но возможности искренне и покорно принять новые условия жизни для человека творческого, глубоко чувствующего, патриота – не представляется возможным.

О тяжком быте русских эмигрантов за рубежом свидетельствуют их воспоминания. С. А. Волконская в воспоминаниях «Горе побежденным» рисует обобщенную картину судеб эмигрантов первой волны: «...большие надежды, еще большие разочарования... Собственная глупость, чужая недобросовестность. Деньги, разорение, нищета. Преподавание гимнастики, ухаживание за больными, съемки в роли статиста, чтение вслух слепому банкиру... Экзамен на шофера такси. И тоска, тоска бесконечная» [3, с. 86]. Д. Мережковский, которого многие эмигранты числили среди наиболее благополучных, пишет в 1923 г. своему издателю: «Я думаю, что европейское общество даже представить себе не может, в каком мы находимся катастрофическом состоянии» [5, с. 238]. В. Варшавский в книге «Незамеченное поколение» пишет о «каждодневном опыте отверженности и унижения «нищих беженцев», которые могли рассчитывать только на самое низкое социальное положение» [2, с. 149]. Все это болезненно оскорбляло чувство национальной гордости.

Эмигрантская литература всегда стояла особняком среди прочих, привязанных к месту или времени, особых разновидностей в истории искусства как такового и литературоведения в частности. «...Зарубежная русская литература есть временный, отведенный в сторону поток общерусской литературы, который – придет время – вольется в общее русло этой литературы. И воды этого отдельного, текущего за рубежами России потока, пожалуй, больше будут содействовать обогащению этого общего русла, чем воды внутрироссийские...», – писал Струве [7, с. 312]. Хотя такое утверждение, несомненно, является спорным. Например, Ремизов не соглашался с делением русской литературы на российскую и зарубежную, однако мы все же придерживаемся первого мнения.

Важно понимание самой сути: русская литература XX века искусственно, вследствие политических катастроф, оказалась расколотой надвое.

Русские писатели-эмигранты всегда четко разграничивали свою жизнь на «здесь» и «там», говоря о России с особой теплотой, сочувствием. М. Цветаева в статье «Поэт и время» пишет: «...мои русские вещи, при всей моей уединенности, и волей не моей, а своей, рассчитаны – на множества. Здесь множеств – физически нет, есть группы. Как вместо арен и трибун России – зальца, вместо этического события выступления (пусть наступления!) литературные вечера, вместо безымянного незаменимого слушателя России – слушатель именной и даже именитый. В России, как в степи, как на море, есть откуда и куда сказать. Если бы давали говорить... а в общем просто: здесь та Россия, там – вся Россия...» [8, с. 856].

Существенный интерес также представляет тот факт, что литература развивалась внутри страны и вовне по тем же или сходным законам, решая общие эстетические задачи. Общая масса эмигрантов – масса носителей живого языка, масса соратников, объединенных общей судьбой, общей опасностью и общим противником. Статья Цветаевой «Поэт и время» кончается словами: «Борис Пастернак – там, я – здесь, через все пространства и запреты, внешние и внутренние (Борис Пастернак – с Революцией, я – ни с кем), Пастернак и я, не сговариваясь, думаем над одним и говорим одно. Это и есть: современность» [8, с. 857].

Отчаянные попытки не опустить руки, не сдаться, диктуют новые формы самовнушения и самоутешения. У Цветаевой: «Всякий поэт по существу эмигрант, даже в России. Эмигрант Царства Небесного и земного рая природы... Эмигрант из Бессмертия в время, невозвращенец в свое время». С ее точки зрения – «почвенность, народность, национальность, расовость, классовость – все это только поверхность, первый и седьмой слой кожи, из которой поэт только и делает, что лезет... По существу все поэты всех времен говорят одно. И это одно так же остается на поверхности кожи мира, как сам зримый мир на поверхности кожи поэта. Перед той эмиграцией – что – наша!» [8, с. 859].

Воспоминания писателей и поэтов эмиграции первой волны, с грустью и нежностью, об ушедшей России, Ф. Степун назвал «культом русской березки» [5, с. 160]. О новом состоянии души пишут многие соотечественники, например, А. Куприн в одном из писем, адресованных литератору В. Е. Грушину, с грустной иронией пишет: «Видели Вы когда-нибудь, как лошадь поднимают на паровоз на конце парового крана? Лишенная земли, они висит и плывет в воздухе, бессильная, сразу потерявшая всю красоту, со сведенными ногами, с опущенной тонкой головой... Это я» [5, с. 341].

Зачастую писатели – эмигранты выступали с публицистическими произведениями. В дневниках, записках, мемуарах были отражены последние впечатления, полученные на родине, запечатлелся процесс или минута расставания, с раздумьями о перспективах России и собственной судьбе: «Петербургские дневники» З. Гиппиус, «Окаянные дни» И. Бунина, «Слово о гибели Земли Русской» А. Ремизова, «Солнце мертвых» И. Шмелева. Адамович пишет: «Одиночество – это условие существования русской литературы в эмиграции. Оторванная от родной почвы, затерянная в иноязычном мире, подвергаемая соблазнам культурной ассимиляции, она взамен обрела самое дорогое – свободу» [1, с. 107].

Творчество становится отражением мировосприятия; исповедальное начало определяет характер повествования, свои чувства и эмоции вкладывают писатели в каждое произведение. У Тэффи, например, появляются рассказы, полные трагизма и горечи, рассказы, по которым дореволюционный читатель, обожавший знаменитую «юмористку», никогда бы не узнал ее. Даже Иван Бунин, написавший в эмиграции самые «русские», самые лиричные свои произведения – «Темные аллеи» и «Митину любовь» – неоднократно говорил о бесперспективности русской беллетристики за рубежом.

История русской эмиграции на протяжении одного только XX века рисует картину временами трагичную, редко – счастливую, но всегда – яркую, страстную и никогда – равнодушную. Революция 1917 года явилась той гранью, которая не только разделила надвое судьбу целого народа, но и проложила непроходимую борозду в биографии отдельной личности, и прежде всего человека-интеллектуала.

В завещаниях старых эмигрантов почти всегда присутствует просьба: когда-нибудь передать в Россию архив, коллекцию, библиотеку, издать книги. Да, они передаются, издаются. Но всякий раз, сталкиваясь с новой частной историей, мы понимаем, что нет еще работы, где были бы доказательно, полно оценены реальные масштабы урона, который понесло российское общество, страна, лишившись таких граждан.

Литература

1. Адамович Г. Одиночество и свобода. М.: Азбука-классика, 2006. 288 с.
2. Варшавский В. Незамеченное поколение. М.: Дом Русского зарубежья им. Александра Солженицына, Русский путь, 2011. 576 с.
3. Волконская С. А. Горе побежденным: Воспоминания. Париж, 1928. 160 с.
4. Гиппиус З. Н. Чего не было и что было. М.: Росток, 2002. 192 с.
5. Окоороков А. В., Лебедева Н. М., Ионцев В. А., Назаров М. В. Эмиграция и репатриация в России / под ред. А. Бондарева. М.: Изд-во Попечительство о нуждах Российских репатриантов, 2001. 490 с.
6. Паустовский К. Золотая роза. Детская литература. М.: Литература артистикэ, 1972. 560 с.
7. Струве Г. Русская литература в изгнании. 3-е изд., испр. и доп. Краткий биографический словарь Русского Зарубежья / Р. И. Вильданова, В. Б. Кудрявцев, К. Ю. Лаппо-Данилевский. М.: Русский путь, 1996. 448 с.
8. Филин М. Д. Первопрестольная: далекая и близкая. Москва и москвичи в литературе русской эмиграции. Т. 1. М.: Русский мир, 2003. 1280 с.
9. Цветаева М. Стихотворения. М.: Профиздат, 2006. 384 с.

УДК 81'37

Лапшова Наталья Васильевна

ТРАНСФОРМАЦИЯ ФРЕЙМОВОЙ СТРУКТУРЫ РЕКЛАМНОГО СООБЩЕНИЯ XX–XXI ВЕКОВ НА ПРИМЕРЕ ФРЕЙМА «ЧАЙ» И «КАКАО»

В статье рассматривается анализ фреймов рекламных сообщений в период XX–XXI веков. Анализ позволяет выделить типологию модификаций, которые обнаруживаются в утрате или актуализации информации о том или ином качестве товара. Динамика данного явления прослеживается на примере фреймов XX – XXI веков «какао» и «чай».

Ключевые слова: номинация, фрейм, слот, модификация, когнитивная модель

Lapshova Natalia V.

TRANSFORMATION OF FRAME-ORIENTED STRUCTURE OF THE ADVERTISING MESSAGE XX–XXI CENTURIES ON THE EXAMPLE FRAME «TEA» AND «COCOA»

In the article analyses the frames of advertising messages during the XX–XXI centuries. The analysis allows to allocate a typology of modifications detected in the loss or update information about a particular quality of the goods. The dynamics of this phenomenon is demonstrated in frames of the XX – XXI centuries «cocoa» and «tea».

Key words: a nomination, a frame, a slot, a modification, a cognitive model.

На современном этапе проводится большое количество лингвистических исследований в области рекламы. Это общественное явление вызывает интерес специалистов различных областей. Такая тенденция порождена внедрением рекламы практически во все сферы общественной жизни, ее влиянием на ценности, потребности и прежде всего на язык. Реклама выступает как структура, трансформирующая язык объектов в язык людей, и наоборот. Её целью является включить человека в свою структуру значений и побудить его к участию в декодировании своих лингвистических знаков.

Материалом для нашей статьи послужили тексты для рекламы продуктов питания, относящиеся к периоду 1900–1980 гг. и 1980–2012 гг.

Обратимся к фрейму «какао». Представление общества начала прошлого века о рекламируемом напитке зафиксировано в Толковом словаре русского языка под редакцией Д. Н. Ушакова: «Какао – 2. Порошок из перемолотых семян этого дерева, служащий для приготовления напитка. Банка какао. Голландское какао. || Питательный напиток, приготовляемый из этого порошка (большей частью на молоке). Выпить стакан какао. Мне пора пить мой какао. Тургенев» [7, с.1287].